

КУДИНОВ В. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КУДИНОВ Василий Степанович, родился в 1887 в Мазане Нахаевского уезда (Поволжье). Окончил Московский университет, с 1909 — преподавал в гимназиях, после 1920 — в советских школах Москвы. 9 октября 1935 — арестован по обвинению «в контрреволюционной агитации» и заключен в тюрьму. 30 декабря 1935 — приговорен к 3 годам ссылки и в январе 1936 — отправлен в Чимкент. В июне 1936 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<25 июня 1936>

«Екатерина Петровна¹!

Два с лишком месяца тому назад я узнал о существовании организации, возглавляемой Вами и именуемой "Помощь политическим заключенным". Так как я имею несчастье принадлежать к числу людей названной категории и весьма заинтересован в получении помощи, то в течение всего этого времени я каждый день собирался написать Вам и каждый день с грустью убеждался, что не в состоянии этого сделать. Как только я брался за перо, меня охватывало непреодолимое чувство тоски и отвращения, и я немедленно оставлял свое намерение. Думаю, что происходило это совсем не потому, что я чувствовал себя настолько преступным перед Советской властью, что не решался даже напомнить ей о себе, а по причине совсем противоположного характера. Перед Советской властью я виноват не более, чем Абиссиния перед Италией и Китай перед Японией. Но я более беспомощен, чем они, ибо у меня отнята всякая возможность для протеста против лжи и насилия, совершенного надо мною. Эта ложь принята за правду, и насилие санкционировано таким почтенным учреждением, как НКВД. Поэтому естественно, что я не могу верить в возможность более справедливого и человеческого отношения к себе со стороны Вашей организации. Я этим совсем не хочу оскорбить Вас или дискредитировать работу Вашего учреждения. Наоборот, мне хотелось бы с особою силою подчеркнуть, что тысячи людей моего положения кровно в самом буквальном смысле этого слова заинтересованы в существовании правомочной и авторитетной организации, которая всерьез и ответственно занялась бы делами политических, ибо состояние политического правосудия у нас весьма далеко от благополучия. Ваша "Помощь", насколько я представляю, не может претендовать на эту роль. Она делает большое и важное дело, но все же бьет мимо главной цели, ибо не борется с причинами зла. В этом отношении она разделяет общую судьбу всех организаций подобного рода, которые существовали и существуют во всем мире, <в> виде всевозможных убежищ, приютов, комитетов и прочих благотворительных учреждений, которыми общество дешево и удобно расплачивается за право на моральные и прочие преступления. Ведь главная беда так называемых политических состоит не в том, что их плохо обслуживают во время заключения, а в том, что они попадают туда, благодаря произволу и беззаконию, и лишены всяких средств защиты.

Клевета, лжесвидетельство, политическое предательство, как 300 и 500 лет тому назад, имеют место и теперь. И только идиоты искренно, а подлецы лицемерно делают вид, что все это сметено революцией, и что в Советском правосудии царит высший закон справедливости. Всякое сомнение в этом, если за него даже кричат факты, трактуется как тягчайшее преступление, как покушение на Советскую власть. Между тем насколько честнее и полезнее для революции было бы не закрывать глаза

¹ Ошибка в написании отчества Екатерины Павловны Пешковой.

на темные стороны нашего правосудия, а бороться с ними! Для этого нужны честные и мужественные люди, умеющие трезво смотреть на вещи. Патриотическая истерика здесь может быть только вредна. Я глубоко убежден, что когда работа по оздоровлению политического правосудия будет проведена, то политические тюрьмы, лагеря и ссылка если не на 9/10, то на половину опустеют. Сейчас же в них томятся тысячи невинных, которым некуда апеллировать, ибо их судьями являются те же люди, которые бросают их в тюрьмы.

В сознании этого тяжелого факта, по видимому, и кроется основная причина того внутреннего сопротивления, которое я испытываю при мысли обратиться к Вам за помощью. Однако на этот раз я попытаюсь довести дело до конца. Но прежде чем приступить к изложению своей просьбы, я кратко остановлюсь на важнейших фактах. Они таковы.

9/X 35 <ода> я был арестован в Москве в собственной квартире и заключен в тюрьму, где мне было предъявлено обвинение в фашистском настроении и восхищении речами Гитлера, а также во враждебном отношении к вождям революции и мероприятиям советской власти. Обвинение было построено на ложных, фальсифицированных фактах, но я лишен был средств защиты и оправдания и 30/XII 35 <ода> постановлением Особого Совещания НКВД был приговорен к ссылке в Казахстан на 3 <ода> за «контрреволюционную агитацию», хотя до сих пор мне не известны ни конкретные факты агитации, ни люди, которых я агитировал, ни материалы, на основании которых мне предъявлено обвинение. Думаю, что я просто продан каким-нибудь мерзавцем с целью получения политического барыша. С 3/II с<его> <ода> я в ссылке, в <ороде> Чимкенте. Средств для существования у меня нет, ибо за 27 лет слишком добросовестной педагогической работы я ничего не скопил, кроме воспоминаний о тяжком труде и всевозможных лишениях, если не считать солидной коллекции болезней — сердца, нервной системы, хронических головных болей, суставного и кажется мышечного ревматизма, который особенно дает себя чувствовать в последние месяцы. До ареста я получал пенсию. Теперь ничего не получаю, по-видимому, лишен права. Разрешения на педагогическую работу не имею. Другой получить тоже не удастся, да и едва ли по состоянию здоровья я могу рассчитывать на нее, так как здесь имеются неисчерпаемые кадры» таких же как я, но более здоровых. До сих пор мне помогала жена за счет остатков моей зарплаты. Соблюдая крайнюю экономию, я забыл о человеческой обстановке, через день обедал, жил в загородке холодного коридора, зимою в течение двух месяцев спал не раздеваясь и все же до самой весны ни разу не почувствовал себя согрешшимся. Но долго продолжаться так не может. По-видимому, я попал в число обреченных. В перспективе — новый холод и голод, Передо мной дилемма — или поскулить о помиловании, признав за собой вину за несовершенные преступления, и получить право на жизнь прибитой собачки, или же, сохраняя в себе достоинство честного человека, готовиться к смерти. На первый путь я не вступлю. Хотя древняя мудрость и утверждает, что живой пес лучше мертвого льва² <...>³.

Весной 1937 — Василий Степанович Кудинов находился в Георгиевке Чимкентской области и вновь обращался за помощью в Помполит⁴. 25 декабря 1937 — арестован, 30 декабря приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь⁵.

² Далее письмо В. С. Кудинова обрывается. — Прим. сост.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1556. С. 138-139. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1606. С. 64-65, 68.

⁵ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.